

тугина «в целом удивительно мелки и поверхностны и доказывают, что русская жизнь может показаться дымом только тому, кто эту жизнь не живет, кто не участвует ни в едином ее интересе», и, напротив, для того, кто находится в гуще современной борьбы разных направлений, для кого эта борьба «составляет насущную задачу, радость и горе, для того должны показаться дымом слова и рассуждения, отрицающие серьезность нашей жизни».⁴³

Почти все произведения Тургенева после «Отцов и детей» Страхов не принимает, находя в этом совершенное понимание со стороны Достоевского и отчасти Толстого (но только отчасти — в конце концов, под влиянием возобновившего дружеское общение с Тургеневым Толстого «примирился» с ним и критик). Сравнительно мягким был его отзыв о романе «Новь», который заинтересовал Толстого, — «неудача», но все же «очень любопытен и важен по содержанию, и если не имел никакого успеха, то это только доказывает, что никакое содержание не спасет произведения, грешащего против художества, не подымающегося на высоту действительно поэтического созерцания». А «художество» в «Нови» критика совершенно не удовлетворяет: «Очевидная вялость и бессвязность романа, в котором лица без достаточного основания мечутся из одного места в другое и внутренние мотивы их действий выясняются очень слабо, зависят, нам кажется, от слабости того интереса, который автор питает к предмету. Автор *сочинял*, а не вдохновлялся широкою и свободною точкою зрения».⁴⁴ Страхову вообще не по душе была та литературная «школа», которая «обязанностию художников считает гоняться за современными явлениями, уловлять последние народившиеся типы людских характеров и положений».⁴⁵ К ней Страхов относил не только Тургенева, но и Достоевского, но у последнего в отличие от Тургенева публицистическое начало сочеталось со «стремлением к чистому искусству, то есть к глубочайшим и вековечным задачам».⁴⁶ Противопоставление Достоевского Тургеневу уязвимо, да Страхов тут и противоречит самому себе — он ранее совсем иначе отзывался о художественности Тургенева, подхватывая суждения Аполлона Григорьева. Но здесь существеннее отметить другое: нерасположенность Страхова к школе Тургенева—Достоевского, к ее литературным принципам и приемам, которые Страхов был склонен квалифицировать как «западнические» (уже — французские).

Симпатия к содержанию романов Достоевского (что естественно — общее «почвенническое» направление) сосуществовала рядом с неприятием его поэтики, того, что представлялось Страхову чрезмерным, хаотичным, утрированным. Почти все реплики Страхова о Достоевском-художнике в письмах к Толстому прохладные или отрицательные. Это относится и к отдельным произведениям, и к стилю, и к героям. Страхов аккуратно сообщал Толстому об успехе романа «Анна Каренина» в петербургских читательских кругах. В апреле 1877 года: «Достоевский, Порецкий, Ал. Ал. Майкова, О. Ковалевская, и пр. и пр. — каждый раз обращаются ко мне с восторгами, имеющими настоящий тон».⁴⁷ Через месяц вновь: «Достоевский машет руками и называет Вас богом искусства. Это меня удивило и порадовало — он так упрямо восставал против Вас».⁴⁸ О том, почему и против чего восставал Достоевский «так упрямо», Страхов не пишет, но, надо полагать, это те критические мысли, которые тот изложил в «Дневнике писателя». Язвительно отозвался Страхов о

⁴³ Там же. С. 226, 232.

⁴⁴ Там же. С. 398, 399.

⁴⁵ Там же. С. 398.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 329.

⁴⁸ Там же. С. 335.